

Мал золотник, да дорог.
Есть такие поэты — с монетку из благородного металла и, может быть, занесённые ветром откуда-то из прекрасного далёка. Не из окраинных российских губерний, не из Европы и Азии, не с других материков, а из иной реальности. Там время едва перешагнуло золотой век и тут же вернулось обратно, ибо как же иначе? Там молочные реки и кисельные берега. Там Пушкин читает Есенина, тот в свою очередь — Губанова, а тот — уже нас.

Оттуда, видимо, и пришёл Руслан Галимов.

I

Во время Великой Отечественной войны в Чистополь, город, где он родился, были эвакуированы Пастернак и Цветаева, Асеев и Тарковский, Фадеев и Леонов. Энергия искусства пропитала землю — и спустя несколько лет явился поэт.

Можно сказать: родился.

Да ещё довольно необычный для своего времени — пишущий верлибры. Когда Галимова спрашивали, почему это у него стихи без размера и без рифмы, он, нимало не смущаясь, парировал: рифма необязательна, да и размер — зачем? — это ведь не ботинки.

Откуда у татарского паренька появилась любовь к верлибрам? Влияние литератора и энциклопедиста Льва Мизандронцева¹, успевшего подружиться с половиной деятелей Серебряного века

---

¹ Мизандронцев Лев Харитонович (1901–1981) — советский литератор. Его пьесы выходили с предисловием Владимира Киршона («Хряк», «Стена плача»). Его приглашал к сотрудничеству Всеволод Мейерхольд, а пьесу «Стена плача» поставил Соломон Михоэлс. Чуть позже Мизандронцева арестовали как троцкиста. Отправили в омскую ссылку на два года, а потом добавили ещё десять лет без права переписки. После освобождения пытался найти жену. Узнал, что она живёт в Чистополе. В 1947 году воссоединился с семьёй.

и рассказывающего о них молодым поэтам, что захаживали в гости? Или, может быть, всему виной заикание, с которым трудно выступать на публике, читая силлаботонику? Желание во что бы то ни стало выделиться из пишущей братии? Или чтение традиционной татарской поэзии — свободной и аллитерированной?

Впрочем, почему бы не рассмотреть сразу все варианты?

Есть у Галимова стихотворение под названием «Звук», которое начинается такой строфой (и в котором с помощью эха оригинально симулируется заикание):

*Звук увесистой пощёчины
взметнулся вверх
над местом происшествия.
И первое, что в голову пришло:
«Ну вот я и родился!»
«Вот и родился...», —
повторили деревья.
«Ился, ся, ся, я, я...», —
откликнулся асфальт...*

Вот он, процесс рождения. Галимов пишет о звуке, но даёт ему свои биографические данные, ставя в подзаголовок строку, выделенную курсивом: «Я родился 24 марта 1946 года». Зачем это? К концу стихотворения ситуация разрешается младенческим криком — и всё становится на свои места.

Казалось бы, необычная оптика порождает необычный текст. Однако перед нами уже сложившаяся традиция. О своём рождении за полстолетия до Галимова спокойно и уверенно писали поэты Серебряного века. Андрей Белый утверждал, что помнит себя с материнской утробы². Анатолий Мариенгоф писал, что первое воспоминание связано с соской-пустышкой, а рождение описывал тоже через крик³. Если брать современников Галимова,

---

² См. отрывок из романа «Котик Летаев» (1922): «В нас мифы — морей: “Матерей”: и бушуют они краснойрыми сворами бредов... Моё детское тело есть бред “матерей”; вне его — только глаз; он — пузырь на летящей пучине; возникнет и... нет его; я одной головой ещё в мире: ногами — в утробе; утроба связала мне ноги: и ощущаю себя — змееногим; и мысли мои — змееногие мифы...».

³ См. отрывок из поэмы «Развратничая с вдохновеньем» (1919–1920): «Не правда ли, забавно, / Что первый младенческий крик мой / Прозвенел в Н. Новгороде на Лыковой Дамбе. / Случилось это в 1897 году в ночь / Под Ивана Купало...».

можно вспомнить Роберта Рождественского⁴ или Владимира Высоцкого⁵.

Каждый из обозначенных выше поэтов, помимо процесса рождения, даёт ещё и описание окружающего мира. Как правило — неблагоприятного. У одного — акушерка сходит с ума, у другого — соседка гадает на картах и сулит новорождённому тяжёлую ношу, у третьего — соседи идут по этапу.

У Галимова — всё иначе. Он романтик. Для него превратности судьбы — всего лишь испытание, которое надо пройти с честью и достоинством. В стихотворении «Звук» тоже показывается не совсем благоприятная обстановка. Но, безусловно, послевоенный провинциальный городок со всей его нищетой не идёт ни в какое сравнение с ужасами первой половины XX века.

А завершается стихотворение и вовсе на какой-то невыносимой мажорной ноте:

*Силы покидали Звук.
Он с трудом перевалил
через деревню и за околицей,
в глухом овраге, тихо
свалился в пожелтевшую листву.*

*«Мама, — прошептал он, —
мама!..», — и горько заплакал.
Травы на рассвете покрылись росой.
«Вот и всё!» — мелькнуло у него в сознании.
Вот и всё.*

Даже кажущаяся «смерть звука» есть не что иное, как рождение человека.

---

⁴ См. отрывок из стихотворения «Я родился — несладким и длинным...» (1960): «Я родился — несладким и длинным — / в одну из душевных ночей. / Грибные июньские ливни / звенели, как связки ключей».

⁵ См. отрывок из «Баллады о детстве» (1975): «Час зачатья я помню неточно. / Значит, память моя однобока. / Но зачат я был ночью, порочно, / И явился на свет не до срока. / Я рождался не в муках, не в злобе, / Девять месяцев — это не лет. / Первый срок отбывал я в утробе: / Ничего там хорошего нет».

II

Откуда взялась эта романтическая нота у Галимова? Сказалось его рождение в первом поколении, не знающем тягот войны? В радостном поколении строителей коммунизма — поколении энтузиастов? Начитанность и любовь к схожим по своей оптимистической структуре письма классикам?

Кажется, дело в ином.

Начнём с очередного стихотворения Галимова:

*Он сидел, слегка подогнув ногу,
на самом краешке стула и,
неестественно жестикулируя
(при этом надо было соблюсти равновесие),
доказывал, что Тулуз-Лотрек не стал бы
великим художником, если бы
в детстве не упал с лошади.*

*Он настолько убедил меня,
что теперь я не знаю, кто из них
гениальней — лошадь, что сбросила Лотрека,
или Тулуз-Лотрек, что
упал с лошади.*

Тулуз-Лотрек действительно в подростковом возрасте упал с лошади — и этот момент усугубил прежнюю травму. Годом ранее он неудачно встал с кресла и сломал кость шейки правого бедра. Во второй раз — уже левого. Кости срастались очень медленно. Тулуз-Лотрек начал ходить с тросточкой. Рост тела сильно замедлился. Биографы говорят: художник не превышал полутора метров.

Военная карьера или, скажем, спортивная ему были заказаны. Светские развлечения — балы, приёмы, охота — тем более. Всё, что оставалось, — искусство. Тулуз-Лотреку, видно, на роду было написано стать знаменитым художником. Вот и выходит, что травма дала возможность для неторопливых размышлений и созерцания.

И этот биографический сюжет заставляет вспомнить чисто-польского «эвакожителя» — Бориса Пастернака. Он тоже в подростковом возрасте упал с лошади и сломал ногу. А в придачу

к этому над ним проскакал табун лошадей. Юноша отделался лёгким испугом. «Посчастливилось» — был освобождён от воинской обязанности. Всю жизнь хромал. И покорял одну сферу гуманитарного знания за другой — музыка, философия, поэзия.

Не Пастернак ли разговаривает с лирическим героем Галимова? Знал ли молодой поэт о таких каверзах судьбы классика? Очень похоже. (Символично, что сегодня мемориальная экспозиция Галимова находится именно в чистопольском Доме-музее Пастернака). Но лучше задаться другим вопросом: откуда такое акцентирование внимания на травматическом опыте?

III

Мы о Галимове знаем мало. Поэт, прозаик, работал на КамАЗе, покорял Москву, успел подружиться со многими современниками — гениями своей эпохи. Вот и всё. Однако если принять прозу Галимова как автобиографическую, всё встаёт на свои места.

Есть у него целый цикл рассказов о мальчишке Мансуре. Тот живёт с матерью и абейкой (бабушкой). У отца — новая семья, однако он всё равно частенько захаживает в гости. Обещает вернуться, перестать пить, построить дом и баню, найти хорошую работу. Всё это темы отдельных рассказов. Но по мере прочтения пазл за пазлом складывается удручающая картина⁶. Пусть у Мансура далеко не идеальный отец, к матери заходит дядя Саша, жизнь — бедная, приходится часто переезжать с места на место, в школе грозятся оставить на второй год — всё это серьёзные проблемы⁷.

Но есть и моменты способные отвлечь, развлечь и сделать жизнь сносной. Вот мальчишке дают поносить саблю, с которой можно хоть завтра идти на войну; вот новенькая гимназическая фуражка, в которой можно щегольнуть перед девчонкой; вот неожиданно сочиняется целое стихотворение: «Ветер, ветер, ты могуч, заberi меня отсюда, опусти одну из туч, унеси меня и Люду».

---

⁶ Сравните тематику рассказов с воспоминаниями Анвера Шарафутдинова — брата Руслана Галимова: «Безотцовщина, мама-дворник, которой он с малых лет вставал помогать до рассвета, нищета, профтехучилище, скитания по стране, насмешки, неустроенность, тяжкий физический труд».

⁷ Сравните цикл рассказов с вот таким стихотворением Галимова: «В одном маленьком доме, / в одном маленьком городе / живёт маленькая женщина / с маленьким сыном. / Часто просыпаясь по ночам, / она успокаивает его / своими слезами, / прислушиваясь к шуму / дальних поездов / и прислушиваясь к тишине / своего сердца».

Кажется, Люда — ради рифмы, однако Мансур полагает, что случайностей в жизни не бывает, а значит, Люда — это какое-то предощущение, предзнаменование, предсказание: «Почему вместе с ней, Мансур не знал, она вечно дразнилась, но он почему-то решил, что с Людой лучше».

И вот в жизни этого мальчика случается эпизод, схожий с травматическим опытом Тулуз-Лотрека и Пастернака. Мансур не падает с лошади — о нет. Всё намного хуже. Он становится убийцей.

В одноимённом рассказе юнец уходит на прогулку. К матери в очередной раз приходит дядя Саша и просит выйти. Задабривает папиросами. Несколько часов Мансуре необходимо пробыть вне дома. Чем хочешь, тем и занимайся. Мальчишка идёт в овраг. Жжёт папиросы — не курить же их! — и спички. И неожиданно обнаруживает в горе мусора пищащего «кутёнка»...

«Нога, что ли у него болит, подумал Мансур и вспомнил о спичках. Сейчас бы посветить. Но и без спичек, на ощупь он понял, что лапка переломлена и болит. Мансур прижал щенка к щеке. Кутёнок мелко дрожал и только слегка попискивал. Сейчас бы кусочек хлеба с молоком, но где его взять? Мансур наклонился к земле. Щенок, беспомощно растопырив лапки, опять подал голос, еле слышимый даже в тишине оврага. Мансур снял кепку и, накрыв щенка, стал думать, что делать дальше. Кто-то выкинул, пожалел, наверное, сразу утопить, и выкинул... От жалости у Мансура перехватило горло и он не смог вздохнуть. Щенок запищал, тычась в ботинок, просясь обратно в тепло. Мансур сел перед ним, обхватив колени. Теперь он думал лишь об одном, пугаясь собственных мыслей и понимая, что ничего другого не остаётся. Ведь мучиться страшно, особенно ночью, а долго мучиться, всю жизнь — ещё хуже. Надо идти, подумал он, и стал отходить. Кутёнок, успокоившийся было, вновь запищал. “Ну не могу же я тебя взять, — проговорил Мансур. — Некуда мне тебя взять”, — повторил он тихо. И кутёнок, словно поняв его, замолк, но когда Мансур сделал несколько шагов, он снова запищал, кажется, ещё громче. У Мансура заболело горло. Сколько домов за оврагом, и никому никто не нужен! Мансур решительно остановился. Оставить здесь — умрёт от голода. “И зачем только ты родился!” — воскликнул он и осёкся, вспомнив, что мать каждый раз кричит так на него. Он подо-

ишёл к оставленной кепке. Всё сжалось у него внутри. Он опустился на колени и, ещё ниже нагнувшись, подул тёплым воздухом. “Ах ты, бедная моя головушка, — прошептал он, — не будет из тебя толка”, — и опять вспомнил, что говорит слова матери. Он поднялся, теперь уже окончательно что-то решив про себя, но не называя этого словами. Пошарил рукой среди разного хлама и нашёл кусок железа. Взял его в руки, вытер о рубашку, встал на колени, взял в другую руку щенка и, отвернувшись, обморочно ударил его по затылку. Закутал щенка в куртку, не думая о том, что скажет дома о пропаже, сверху положил лист железа, какие-то щетки и, поднявшись с колен, не разбирая дороги, пошёл к мосту, схватившись за горло, стараясь глубже вдохнуть, а воздуха всё не хватало...»

Лошадь — образ, часто встречающийся в культуре рубежа XIX–XX веков — Первой мировой войны, Революции и пореволюционных годов. Вспомните некрасовскую забитую клячу, которая вошла в один из снов Раскольникова. Или «Хорошее отношение к лошадям» Маяковского. Или есенинского красногривого жеребёнка. Или ещё что-нибудь — текстов будет много. Далее на смену лошади, воплощающей все зверства первой половины XX века, приходит щенок — бесприютный, жалкий и часто погибающий буквально на руках лирического героя.

Возможно, именно травматический опыт, схожий с переживаниями Мансура⁸, дал нам Руслана Галимова — поэта и прозаика,

---

⁸ Не исключено, что подобных ситуаций в жизни Галимова хватало всегда. Приведём эпизод, рассказанный Владимиром Лавришко: «Как-то мы засиделись с ним за полночь в <...> Набережных Челнах за беседой на кухне. Внезапно в приоткрытую кухонную дверь вбежала мышь, давно и тщетно излавливаемая всей моей семьёй. Я мгновенно плотно захлопнул дверь. И началась азартная охота. Ухватить мышь за хвост удалось Руслану. “Ч-ч-ччто с ней делать?” — спросил он, удерживая трепыхающуюся мышь на весу. Я высказался в том смысле, что за причиняемый вред санитарии и гигиене мышь заслуживает высшего наказания. “Н-н-ннет, — не согласился со мной Руслан, страдальчески морщась от мышинных трепыханий и стараясь не встречаться взглядом с бусинками испуганных глазок, — она же живая!” Я прочитал ему лекцию о гигиене и санитарии, не забыв упомянуть страшную мышиную лихорадку и тот факт, что у меня дома маленький ребёнок. Руслан молча нашарил под раковиной пол-литровую стеклянную банку, набрал туда воды и молча сунул злополучную мышь в воду вниз головой. Подождал, пока всё закончится. Потом бережно прижал банку к себе, укутал курткой и, не прощаясь, исчез за дверью в ночи. Он не разговаривал со мной две недели. А когда вновь заговорил, то первое, что произнёс, было: “Она же живая была!”».

романтически настроенного юношу, старающегося запечатлеть исключительно прекрасное.

IV

Галимов писал стихи и прозу. До нас дошло не так много, как могло бы. В этом парне был громадный потенциал. И это отнюдь не дежурные слова. Нередко «творческий огонь» соседствовал с «открытым забралом», что позволяет говорить о конгениальности личности поэта его текстам.

В чистопольской газете «Ленинский путь» от 23 марта 1971 года опубликована заметка⁹, в которой следователь прокуратуры Зайнуллин благодарит Руслана Галимова «за смелость и благородство при задержании двух бандитов, покушавшихся на честь девушки». Что важно — это не первый случай, когда молодой поэт боролся с хулиганами. Год назад он задержал бандита, вооружённого ножом, и предотвратил убийство.

Галимов окончил ПТУ и отслужил в армии. В Чистополе успел поработать техником в районном узле связи и рабочим на обувной фабрике. Работа как работа, но нужно же движение, нужно развитие. И ветер истории забросил его на очередную советскую стройку века — на возведение Камского автозавода (КамАЗ) в Набережных Челнах. Галимов стал бетонщиком. Жил то в общежитии, то на брандвахте, то у сторожа на местном кладбище. Характер был ершистый — не уживался.

Те, кто умер, те в могиле.

Вороны живут на кладбище.

Пьяные кресты застыли.

Чей-то мотоцикл заглох у изгороди.

Вспугнули белую ворону,

Бедная каркает: «Кар-р, кар-р...»

Я понимаю её, я тоже

живу на кладбище.

---

⁹ Здесь и далее информация даётся по материалам, собранным Анвером Шарафутдиновым, братом поэта, и сотрудниками чистопольского Дома-музея Б. Л. Пастернака. Всё это выложено на сайте «Gragal: Рейки, душа и тело». URL: <http://gragal.ru/index.php?newsid=399>

То ли эпатируя читателя, то ли прививая герою своего рассказа очередную чёрную работёнку, способную ещё лучше отразить романтический блеск, Галимов писал, что строит очистительные сооружения — попросту сортиры.

Завод возводили дружно, легкомысленно, быстро, полусуто. Энергию выпускали либо в литературном объединении «Орфей», либо на танцах. В отряде было две девушки. Как каламбурит Владимир Лавришко, две отчаянные камазонки. Обеим — не больше восемнадцати. Одна уже была занята. Поэт приударил за второй. Позвал на дискотеку. Всё прошло как надо.

Танцевали под «Самоцветов» («Мой адрес не дом и не улица, / Мой адрес — Советский союз»), «Яллу» («Учкудук, три колодца»), «Песняров» («Косил Ясь конюшину»), Николая Гнатюка («Птица счастья завтрашнего дня»), Юрия Антонова («Мечта сбывается»). После — возвращались домой. Решили продлить приятную встречу — пошли пешком. Галимов всё пытался поцеловать девушку, а она ни в какую. То ли намёков не понимает, то ли не хочет. Наконец она сама проявила инициативу. Говорит: залезешь на дерево — поцелую. Чего стоит молодому человеку покорить вершину? Раз плюнуть. Он снял пиджак и полез на самый верх. Пока карабкался, девчонка убежала на последний автобус. Галимов пошёл пешком. А от посёлка с дискотекой до общежития — двадцать километров. Добрался только к утру.

Легко представить себе возвратившегося поэта, который вместо того чтобы пойти отдыхать, зашёл в клуб, включил радиолу, поставил пластинку Луи Армстронга и, как это неоднократно проделывал, начал читать под неё стихи — не в пустоту, но... себе, клубу, заводу, Богу.

*В тот день, когда ты уехала,
ничего не случилось.*

*Всё так же безмятежно
светило солнце.*

*Автобусы не сошли с ума
и ни один из них
не сошёл с маршрута.*

*Не падали стены,
и вечером горели фонари,
и я мило улыбнулся
соседскому малышу.*

*В тот день, когда ты уехала,
ничего не случилось.*

V

На заводе молодые работники слушали Высоцкого, Галича и Окуджаву, зачитывались шестидесятниками, в списках гулял Губанов. А в 1974 году в литературное объединение «Орфей» приехал сам Андрей Вознесенский — живая легенда, поп-идол советской молодёжи. И у него нашлись строчки, созвучные с галимовскими, — в «Монолог битника» (1973):

*Бегите — в себя, на Гаити, в костёлы, в клозеты,
в Египты —*

Бегите!

*Рева и мяуча, машинные толпы дымятся:
«Мяса!»*

*Нас тёмные, как Батыи,
Машины поработили.*

<...>

*От женщин роллс-ройсы родятся...
Радиация!..*

*...Душа моя, мой зверёныш,
Меж городских кулис
Щенком с обрывком верёвки
Ты носишься и скулишь!*

*А время свистит красиво
Над огненным Теннесси,
Загадочное, как сирын
С дюралевыми шасси.*

Как интересно проходит смена эпох и как бывают созвучны столь разные поэты: здесь проступают и есенинский красногривый жеребёнок, и галимовский кутёнок.

Щенячий восторг от нахлынувшей оттепели или перестройки заканчивается собачьей смертью в безвестности, на улице, а то и на помойке. Тут уже можно вспомнить Николая Рубцова («О собаках», 1957)¹⁰, Леонида Губанова («Простыл простоволосый страх...»)¹¹, Бориса Рыжего («Герасима Петровича рука...», 1999)¹² и многих других. Вышедший «Бродячей собакой» из Серебряного века, аукнувшийся дихотомией Ахматовой («чай — кофе, кошки — собаки, Мандельштам — Пастернак»), щенок проковывал через вторую половину XX века.

*Вот и собаки
стороной обходят,
тихо опустив
немытые хвосты,
а ведь когда-то
ко мне бежали
от помоек,
молили,
чтобы их простил.*

*Прощаю вас,
бездомные собаки,
простите и вы,
я не виноват.*

VI

Не будем ставить Галимова в один иерархический ряд с вышеприведёнными литераторами. Однако... перед нами поэт. Даже вот так: Поэт.

---

¹⁰ «Не могу я видеть без грусти / Ежедневных собачьих драк, — / В этом маленьком захолустье / Поразительно много собак!».

¹¹ «Простыл простоволосый страх, / как стыд в удушье и угаре. / Я — брод, который неспроста / забредил голыми ногами. / Я — брод, во мне пищит щенок / сердец, уставших и потухших. / Хозяин прокормить не смог / и горло завязал потуже».

¹² «Герасима Петровича рука не дрогнула. Воспоминанье номер один: из лужи вытащил щенка — он был живой, а дома помер. И всё. И я его похоронил. И всё. Но для чего, не понимаю, зачем ребятам говорил, что скоро всех собакой покусая, что пёс взрослеет, воеет по ночам, а по утрам ругаются соседи? // Потом я долго жил на этом свете и огорчался или огорчал, и стал большой. До сей поры, однако, не постоянно, граждане, а вдруг, сжав кулаки в карманах брюк, боюсь вопроса: где твоя собака?».

Николай Алешков, один из товарищей Галимова по студии «Орфей», вспоминал:

«В семьдесят первом году Руслан был среди тех, кто пришёл на первое занятие камазовского литобъединения “Орфей”. Ребята собрались вечером, отработав смену на стройке. Почти на всех были резиновые сапоги и ватники, причём на каждом ватнике несмываемой краской или извёсткой было написано название только что покинутого родного города. И эти атрибуты были не модным поветрием, а необходимостью — сапоги помогали форсировать непролазную строительную грязь, а по надписям земляки узнавали друг друга. В те годы такие узнавания были радостными, шумными. Они часто перерастали в дружбу <...> Когда все перезнакомились и сборище более или менее уgomонилось, Валера [Валерий Суров — руководитель этого литобъединения. — О. Д.] ошарашил молодые дарования вопросом: “Выкладывайте, кто за чем сюда пожаловал: кто хочет сразу печататься, а кто хочет учиться писать?” Дураков не нашлось, и все решили сначала поучишься. И только Руслан молчал.

— Ну а ты зачем пришёл? — спросил его Валера.

— Да вот, думал, земляков встречу.

— А откуда ты? — Руслан повернулся к благородному собранию спиной. На ватнике его красовалась надпись “Зурбаган”».

Среди «коллег по цеху» выделялись Валерий Суров, Николай Алешков, Николай Беляев, Инна Лимонова, Евгений Кувайцев. Некоторые стихи последнего появлялись на фронтонах домов и мостовых пролётах. Но оно и не удивительно — стихи были под стать эпохе:

*Эгей, комсомольцы,
молодо-зелено,
вам эта стройка
большая доверена!
Самая нужная,
самая важная!
Вперёд неотступно,
братва отважная!*

Инна Лимонова вспоминала, что в 1970-е у них был тесный творческий круг и все «варились в собственном соку» — необходимо было вырваться и проверить свои силы в столице. Галимов решился на это не сразу. Владимир Лавришко вспоминает¹³: «Когда строительство автогиганта близилось к завершению, а жизнь в Челнах подёрнулась ряской обыденности, люди потихоньку стали перекочёвывать на другие стройки, Руслан тоже сорвался с места. Письма от него я получал из самых неожиданных мест, вплоть до Средней Азии и Кавказа, пока он не осел в столице...»

Была Грузия. Очередная стройка века. Были наблюдения и зарисовки, в одной из которых Галимов повествует о случае в кафе. Заказал харчо и вино. Отдыхает. Вдруг замечает: соседние столики посылают друг другу вино. С одного — идёт бутылка, со второго — возвращаются две. Алкоголь растёт в геометрической прогрессии. А всё — доброжелательность и гостеприимство. Хитрый татарин ввязался в эту игру: он за каждый столик посылает с официантом по бутылке, а ему возвращаются четыре. И далее, и далее, и далее. Благодать!..

...Но время шло. Галимов хотел признания в литературных кругах. Надо было ехать в Москву — и никак иначе.

VII

Анвер Шарафутдинов со товарищи писал: «В столицу он приехал поздней осенью с пустыми карманами и с хозяйственной сумкой, сшитой им самим из мешковины. В сумке лежали рукописи рассказов и верлибров. Но оказалось, что времена Велимира Хлебникова давно прошли, и Москва теперь даже поэтов принимала “по одежке”. Несколько месяцев он провёл на грани отчаяния». Современники говорили, что порой Галимов питался одной чифирью¹⁴.

Главным нерешённым вопросом был бытовой. Где, как и на что жить в Москве? Провинциального паренька никто не ждал. Нет прописки — нет работы. Началась бесприютная жизнь.

И здесь вновь пробивается «щяньчзя нота»:

---

¹³ Лавришко В. // Республика Татарстан. URL: <http://rt-online.ru/orfej-spuskaetsya-v-ad/>

¹⁴ Чифирь — напиток, получающийся из сильно заваренного и настоянного чая.

*Щенок в подъезде
носом мокрым
ко всем прохожим
целоваться лезет
и, провожая до квартиры,
изумлённо обнюхивает дверь,
за которой скрылся человек.*

Можно вспомнить другого провинциала, десятком лет ранее покорявшего Москву, — Василия Шукшина. Сначала его приютил кинорежиссёр Михаил Ромм, после он оказался в общежитии ВГИКа, а вскоре случилось чудо — Ольга Михайловна Румянцева, редактор отдела прозы журнала «Октябрь», где Шукшин уже стал своим автором, прописала его у себя. Жест редкий, благородный и достойный уважения.

Схожим образом жизнь обрадовала и Галимова. Приютил его на некоторое время Арво Метс¹⁵, работавший в «Новом мире». С временной пропиской появилась и работа — та же, чёрная, проходчиком «Метростроя». И первая серьёзная публикация.

Дальше — больше: появилась девушка Лида, состоялась свадьба, образовалась комната в коммунальной квартире¹⁶.

Жизнь налаживалась. Галимов стал посещать литературную студию при Союзе писателей СССР. Во главе её тогда были Александр Проханов¹⁷ и Сергей Львов¹⁸. Они продвигали его как прозаика — «постшукшинского» и «поствампиловского» толка. Юрий Нагибин и Юрий Трифонов дали рекомендации — и тек-

---

¹⁵ Метс Арво Антонович (1937–1997) — советский поэт, теоретик свободного стиха. Окончил Ленинградский библиотечный институт. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького (семинар Сергея Наровчатова). В 1975–1991 годах заведовал отделом поэзии журнала «Новый мир».

¹⁶ Анвер Шарафутдинов вспоминал: «Его небольшая комната в московской коммуналке часто становилась приютом не только для приезжающих в столицу родных и друзей, но и для малознакомых чистопольцев, привозивших с родины приветы и свежий камский ветер».

¹⁷ Проханов Александр Андреевич (р. 1938) — писатель, военный журналист. Окончил МАИ, работал инженером НИИ. В 1968 году начал работать в «Литературной газете», корреспондентом которой выбирался в горячие точки по всему миру.

¹⁸ Львов Сергей Львович (1922–1981) — советский писатель, критик. Окончил ИФЛИ. Работал в «Литературной газете». Автор ряда статей о советской и зарубежной литературе.

сты Галимова были напечатаны в газете «Литературная Россия», журнале «Сельская молодёжь» и альманахе «Парус».

Нагибин в своём дневнике писал¹⁹: «На втором монинском семинаре был парень Руслан Галимов — татарин, бывший детдомовец, рабочий, опубликовавший в “Новом мире” два милых стихотворения. Но на семинаре он присутствовал в качестве прозаика, хотя лучшим у него оказалось стихотворение о первом крике младенца. Мне удалось протолкнуть его в “Сельскую молодёжь”. Галимов мне понравился: хорошее лицо, искренность, даже неотчётливая, сбивчивая речь была обаятельна. И, вдруг отчего-то испугавшись за него, я сказал: “Если вы не погибнете, то станете большим писателем”...»

VIII

И вот случился очередной поворот в судьбе.

Чёрточки, что поменьше, — это будни.

Чёрточки, что подлиннее, — праздники.

*Так вся жизнь моя исцарапана,
похожая на колючку концлагеря.*

В том же дневнике Нагибин поведал, что случилось: «После семинара он бурно пошёл в ход: публикации в периодике, книга принята издательством “Молодая гвардия”, СП дал ссуду, командировку, на работе предоставили творческий отпуск, дали квартиру. Затем всё стало рушиться. Он сломал нос заведующему отделом поэзии “Дружбы народов” (тот непочтительно отозвался о Блоке), сам был зверски избит в милиции, долго болел, мучился головными болями, но, едва справившись, набил морду редактору поэтического отдела “Сельской молодёжи” (опять же, по причинам литературным). Разгневанный Попцов²⁰ не стал обращаться в милицию, он сделал хуже: выбросил из номера цикл галимовских рассказов и накапал в “Молодую гвардию”. Издательство вместо отдельной книжки оставило бойца при “маленькой на троих”...»

---

¹⁹ Нагибин Ю. М. Дневник. — М.: Книжный сад, 1996. Цит. по: <http://rt-online.ru/orfej-spuskaetsya-v-ad/>

²⁰ Попцов Олег Максимович (р. 1934) — писатель и журналист. С 1965 года — работник центрального аппарата ЦК ВЛКСМ в Москве. В 1968–1990 гг. — главный редактор журнала «Сельская молодёжь».

Владимир Лавришко уточнял, из-за чего могли случаться драки²¹: «Из его письма, отправленного в июне 1977 года, следует, что известный московский литератор, рекомендуя его стихи к изданию, сделал упор не на поэтических качествах, а на том, что, дескать, написал это простой, не очень образованный, но одарённый парень-татарин, нуждающийся в поддержке... А выступать под таким соусом Руслану не хотелось...»²².

Неслучайно этот образ бунтаря-романтика — «при шпаге, при плаще» — появляется у Владимира Высоцкого. У него есть песня под названием «Лекция о международном положении, прочитанная человеком, посаженным на 15 суток за мелкое хулиганство, своим сокамерникам» (1979):

*Я вам, ребята, на мозги не капаю,
Но вот он, перегиб и парадокс:
Ковой-то выбирают римским папою —
Ковой-то запирают в тесный бокс.*

Собственно, в первом четверостишии уже указана дихотомия: с одной стороны — «блатные», что попадают на хлебные места, а с другой стороны — таланты, которых морят в камерах. И вот у лирического героя этой песни появляется желание пробиться к «кормушке»:

*Сижу на нарах я, в Наро-Фоминске я.
Когда б ты знала, жизнь мою губя,
Что я бы мог бы выйти в папы римские, —
А в мамы взять — естественно, тебя!*

И далее помимо образа папы римского появляются образы — не влияние ли это татарина Галимова? — условного шаха исламского мира, мифологического аятоллы и современника-иранца Хомейни. И далее сюжет неожиданно выходит на сокамерников:

---

²¹ Лавришко В. «Орфей» спускается в ад? // Республика Татарстан. URL: <http://rt-online.ru/orfej-spuskaetsya-v-ad/>

²² Сравните с письмом Галимова к тому же Владимиру Лавришко: «...Мои стихи рекомендовал Жуховицкий в “Московский комсомолец”, но дал такую вставку, что я не пошёл с такой писаниной в редакцию, хотя там уже брали, но, понимаешь, какая штука, мол, вот парень, татарин, пишет верлибры, не Элюар, ещё кто-то, с семью классами, ну и т. д. Очень уж мне не хотелось под таким соусом выступать».

*Плывут у нас по Волге ли, по Каме ли
Таланты — все при шпаге, при плаще.
Руслан Халилов, мой сосед по камере, —
Там Мао делать нечего вообще!*

Не Руслан ли Галимов стал прототипом Руслана Халилова? Когда в этом случае произошло знакомство с Высоцким — вопрос. В 1974-м году тот приезжал в Набережные Челны и выступал перед работниками КамАЗа. Может быть, успел зайти в литературную студию «Орфей». А может — всё случилось чуть позже, уже в Москве.

IX

Творческий путь Галимова позволяет в очередной раз поразмышлять о судьбе первого послевоенного поколения поэтов.

Оно оказалось на обочине литературного процесса. С одной стороны, их заслоняли предшественники (шестидесятники, «ахматовские сироты», «горняки», «филологи»), с другой — не подпускали слишком близко *действительные* члены СП СССР. В итоге сложилось совершенно незамечаемое поколение.

Кто-то ушёл в самиздат и тамиздат — Елена Шварц (1948–2010), Владимир Алейников (р. 1946), Юрий Кублановский (р. 1947), Ольга Седаква (р. 1949). Кто-то при этом стал ещё экспериментировать с поэтикой и создавать что-то принципиально новое — Сергей Сигей (1947–2014), Лев Рубинштейн (р. 1947), Алексей П. Цветков (р. 1947), Владимир Строчков (р. 1946), Михаил Айзенберг (р. 1948), Иван Жданов (р. 1948), Владимир Тучков (р. 1949), Андрей Монастырский (р. 1949).

А кто-то не выдержал этого ритма и преждевременно сошёл с дистанции — Леонид Губанов (1946–1983), Вадим Делоне (1947–1983). Среди последних и стоит искать того поэта, что смог высказаться за всё своё поколение:

*Да! Нас опухших и подраненных,
Дымящих, терпких, как супы,
Вновь разминают на подрамниках
Незамалёванной судьбы.
Холст тридцать семь на тридцать семь.
Такого же размера рамка.
Мы умираем не от рака
И не от старости совсем.*

Это, конечно, Леонид Губанов. Угадать его стиль не составляет труда.

Руслан Галимов умер в преддверии роковых тридцати семи лет, не дождавшись выхода книги рассказов, готовящейся к печати в «Молодой гвардии». Анвер Шарафутдинов вспоминал: «Смерть настигла его внезапно, когда он, как всегда, по ночам, не досыпая, работал над рукописью второй книги и готовился к вступлению в Союз писателей СССР <...> Он торопился жить и творить — и сгорел. Руслан Галимов умер 11 августа 1982 года от лейкоза — острого заболевания крови. Умер в полном расцвете творческих сил и начинаний. Болезнь скрутила его за неделю».

*Сегодня думал я о смерти,
бродил по лужам,
щурился на солнце.
Сегодня встретил я
двадцать девять
беременных женщин
и решил,
что не страшно умереть.*

Х

При жизни Галимова публиковали мало.

Стараниями Арво Метса появилось несколько стихотворений в «Новом мире». Он называл тексты Галимова «классикой русско-го верлибра 1970–1980-х годов».

Вышли сборники «Город моей мечты» (Казань: Татарское книжное издательство, 1977) и «Лебеди над Челнами» (М.: Известия, 1981), в которых были собраны стихи молодых поэтов-камазовцев. В журнале «Литературная учёба» (1979, № 54) были напечатаны рассказы «Тебя не вызовут на бис» и «Одуванчик». В серии «Молодые голоса» (М.: Молодая гвардия, 1982) посмертно вышел сборник рассказов «Сказочник», но, как мы уже говорили, под одной обложкой со сборниками Нины Веселовой («От отца и матери») и Абдурофе Рабиева («Когда ушёл дорбоз»).

И только потом появились отдельные книги Галимова — «Ко мне и от меня» (Казань: Татарское книжное издательство, 1988) и «Тебя не вызовут на бис» (Набережные Челны: Корона-

пресс, 1994). Стихи вошли в «Антологию русского лиризма»²³, «Антологию русского верлибра»²⁴, а также в две антологии, изданные к тысячелетию Казани, — «Как время катится в Казани золотое...»²⁵ и в «Казанскую антологию»²⁶.

О Галимове снят документальный фильм на телеканале «Россия» — «Тоска по лотерейному билету». О поэте рассказывают Арво Метс, Инна Лимонова и Николай Алешков.

О нём успел высказаться один из последних титанов советской литературы Александр Проханов: «Молодая душа, склонная действовать радикально, рубить сплеча, карать зло, вдруг оказывается в сложном, невнятном с точки зрения добра и зла сплетении человеческих отношений, растеряна, поставлена в необходимость понять, отличить свет от тени, осуществить выбор, вдруг осознать, что милосердие, прощение есть высшая форма добра, жертва, то есть принесение блага в жертву ближнему есть тоже высшая форма добра. И подобными жертвами, большими и малыми, даже совсем крохотными, выслан путь нашего духовного созревания, просветления, цветения. Или, напротив, — угасания, затемнения, смерти, если душа невосприимчива к деланию добра. Вот нравственный философский сюжет рассказов Галимова»²⁷.

И — добавим мы — нравственный философский сюжет жизни Поэта.

*С молотка пустили
крест с Голгофы.
И после аукциона
вспомнили, что гвозди
можно было бы продать
отдельно.*

*Теперь ждут нового Христа
и нового аукциона.*

---

²³ Антология русского лиризма. XX век.: В 3 тт. / Идея, сост., вступ. ст., биогр. справки, примеч. и коммент., послесловие А. Васина. — М.: Студия, 2000. Антология русского лиризма. XX век.: В 3 тт. / Идея, сост., вступ. ст., биогр. справки, примеч. и коммент., послесловие А. Васина. — М.: Студия, 2004.

²⁴ Антология русского верлибра. / Сост. и авт. предисл. — К. Джангиров. — М.: Прометей, 1991.

²⁵ «Как время катится в Казани золотое...»: антология русской поэзии Казани 1940–2005 годов / Сост. Л. Газизовой. — Казань: Татарское книжное издательство, 2005.

²⁶ Казанская антология. — Казань: Нур, 2005.

²⁷ Проханов А. «Памяти поэта-земляка... “Я дарю вам леса и звёзды”». URL: <http://gragal.ru/index.php?newsid=399>